

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

ЖАН
ДЕЛЮМО

ПУСТОТА
СТРАХА

ЖОРЖ
БАТАЙ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2021

УДК 13
ББК 87
Д 29

Делюмо Ж., Батай Ж.
Д 29 Пустота страха. – М.: Родина, 2021. – 240 с. – (Культурный слой).

ISBN 978-5-907332-12-6

«Человеческий ум не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» – говорил Жан Кальвин. В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужасное Ничто по Хайдеггеру. Чем шире пустота вокруг нас, тем больше вызываемый ею ужас, и нужно немалое усилие, чтобы понять природу этого ужаса.

В книге, которая предлагается вашему вниманию, дается исторический очерк страхов, приведенный Ж. Делюмо, и философское осмысление этой темы Ж. Батаем, М. Хайдеггером, а также С. Кьеркегором.

УДК 13
ББК 87

© Делюмо Ж. (Delumeau J.), Батай Ж.
(Bataille G.), Хайдеггер М. (Heidegger M.),
правообладатели, 2021

© Перевод с французского, перевод с
немецкого, перевод с датского, 2021

ISBN 978-5-907332-12-6 © ООО «Издательство Родина», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Вместо предисловия. <i>Сёрен Кьеркегор</i> . Страх перед добром . . .	10

Жан Делюмо

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТРАХА

Живые мертвецы и привидения	24
Ужасы ночного мрака	37
Князь Тьмы и его слуги	44
Демоны в женском обличье	60
Страх перед колдовством	78
Страх Апокалипсиса	92
Пляска смерти	102

Жорж Батай

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СТРАХОМ СМЕРТИ И ПУСТОТЫ

Край возможного	126
Не умирать, но быть мертвым	130
Я-которое-умирает	135
Самоутрата	140
Незнание сообщает экстаз	149
Жертвоприношение	157
Последнее озарение	165

Мартин Хайдеггер

ЭКЗИСТЕНЦИЯ СТРАХА И БЫТИЕ К СМЕРТИ

Страх как модус расположения	168
Страх как отличительная разомкнутость присутствия	171
Временность страха	178
Историчность бытия	185
Миро-история	192
Бытие как забота	197
Структура смерти	206
Бытие к смерти	209
Полное понятие смерти	213
Экзистенциальный набросок собственного бытия к смерти	220
Вместо послесловия. <i>Сёрен Кьеркегор</i> . Страх — это возможность свободы	230

Введение

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Миллионы людей в течение всей своей жизни подвержены страхам. Они живут в постоянном нервном напряжении. Их нервная сила истощена. И в какой-то момент наступает нервный срыв.

Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную стороны жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности — обеспечивать себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душист воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношениях с другими людьми.

Страх опасен тем, что он живет в подсознании человека, где его нелегко обнаружить. Если страх проявляет себя острой головной болью, то он более подавлен, потому что в таких случаях от него можно как-то избавиться. Но чаще всего он подкрадывается к человеку, как вор в ночи, проникая в мозг и мешая ему нормально функционировать.

Страх заключается в чувстве внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Все, что нас окружает и что окружено нами, — страхогенично. Он расширяет зрачки («у страха глаза

велики»), не знает прищур, входя или исходя через нас, оставляет следы-запяты, вплоть до дрожания рук, коленок и заикания. И даже афазии, эпилептической контрактуры. Но где он сам?

Страх — стремнина аффекта, стеснение дыхания. Фрейд исходит из этимологии: *angst* — *angustiae* — «теснота», «теснина». Стесняющие обстоятельства, родовая травма, страх не родиться, не прорваться на свет из стесняющей материнской утробы (слышится — гроба). Этот ужас нерождения или смерти до жизни учреждает нашу психику и в страхе возобновляем.

Но страх может быть и заказан. Операторы страха надежны. В структуре страха нет места сбоям. К числу патологических страхов относятся такие, которые характеризуются отсутствием психологической обоснованности или чрезмерной интенсивностью, длительностью, не соответствующими силе вызвавшей их причины...

Страх охраняет прерывность, но, гранича с бесстрашием непрерывности, хочет себя прервать в пользу сверхчеловеческого. Страх — «скованная свобода», отсроченная. Любим поэтому и лелеем свой страх в мечтательном мареве собственных дней. Рождены в страхе, и страх порождает. Не отнять у ребенка жадного вхождения в страх, в приключения ужасные и загадочные, сладостное превозможение, утреннее пробуждение после жуткого сна. Страх разрешает попробовать еще раз. Страх ведет к повторению, повторению удовольствия. Самое что ни на есть жизненное. Но и чреват различием, изменением до неузнаваемости. В мутной глубине страха — смерть, ничто.

В глубине нашего страха — страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить. Отпущенная с одной (не своей) целью, сущность человеческая блуждает в поиске собственного утвержде-

ния и смысла, но пустота вокруг. Оставленная нами фактом рождения не оставляет нас. Брошенная позади уже обернулась и грозит из будущего с первых же пульсаций самосознания, фигур мышления, а главное, с первых столкновений со смертью.

«Человеческий ум — не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» (Кальвин). Каждый — кузнец своих страхов своей пустоты. Нужен аффект, катастрофа, чтобы вызвать из пустоты контур видения. Чем сильнее страх, тем круче, чем безысходней пустота, тем ярче вспышка фантома. Дозы страха и пустоты растут, достигая опасной зоны регрессии, в которой приоткрывается пустота страха в своей депрессивной бесчеловечности.

А. Демичев

Вместо предисловия

Сёрен Кьеркегор

СТРАХ ПЕРЕД ДОБРОМ

(из книги С. Кьеркегора «Понятие страха»)*

В наше время редко услышишь, чтобы говорили о демоническом. Отдельные сообщения об этом, которые можно найти в Новом Завете, касаются самых общих вещей. Когда теологи пытаются разъяснить их, они охотно углубляются во всевозможные наблюдения о том или ином неестественном грехе, причем они находят для этого соответствующие примеры, где животное начало получает такую власть над человеком, что оно выдает себя почти что нечленораздельным звероподобным рыком, зверским выражением лица или же звериным взглядом; порой звериная сущность в человеке может достигнуть выраженной формы, порой же, подобно исчезающему посланнику, эта сущность лишь молниеносно дает ощутить то, что таится внутри, точно так же, как некий взгляд или жест безумца, который короче самого краткого мгновения, становится пародией, насмешкой и карикатурой на разумного, осмотрительного и остроумного человека, с которым он стоит рядом и беседует. Все, что теологи замечали в этой связи, вполне может быть верным, но важнее всего то, что лежит в основе.

* Перевод с датского Н. Исаевой и С. Исаева.